

II. Советско-германская война: К 70-летию нападения Гитлера на Советский Союз

Леонид Люкс

«Первая» советско-германская война и ее предыстория – от союза Сталина с Гитлером до битв под Москвой и Сталинградом

1. Война Сталина против собственного народа

Когда Гитлер напал на Советский Союз, страна находилась уже в течение 12 лет в состоянии войны. Объявил эту войну подвластному ему обществу Иосиф Сталин. Целью этого военного похода была небывалая в истории операция – экспроприация собственности всего советского крестьянства, которое Сталин в 1929 году, в «год великого перелома», объявил «последним капиталистическим классом» СССР¹. Террористический поход режима против 80% населения страны вызвал отчаянное сопротивление всего советского крестьянства².

Блестящий эмигрантский историк Георгий Федотов писал тогда: «Сейчас решается судьба России – быть может, на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестанет быть субъектом истории»³.

У крестьян, не располагавших никакими средствами защиты, не было никаких шансов выиграть эту войну против тоталитарного Левиафана, сосредоточившего в своих руках невиданную до сих пор власть и пользовавшегося в борьбе с собственным населением массовым террором. Однако сопротивление крестьян сломлено было не только террором, но и голодом, жертвами которого пало более шести миллионов человек, и который по своему размаху даже превзошел голод 1921-22, разразившийся после победы большевиков в Гражданской войне.

Массовая смертность населения вновь была обусловлена не природными катастрофами или неурожаем, а человеконенавистнической политикой режима.⁴

---

¹ Сталин, И.В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 1-107, зд. с. 40.

² См. Werth, Alexander. Ein Staat gegen sein Volk // Courtois, Stéphane (Hg). Das Schwarzbuch des Kommunismus. München, 1998. P. 168; Кулешов, С. и др. Наше Отечество. М., 1991. Т. 2. С. 259 и след.

³ Федотов, Георгий. Проблемы будущей России // его же: Судьба и грехи России. Москва, 1991. Т. 1. С. 229.

Катастрофа голода ослабила сопротивление крестьян гораздо эффективнее, чем прямые террористические действия режима. Был ли голод использован сталинской группировкой в качестве оружия, чтобы наказать крестьян? Такие предположения то и дело высказываются на Востоке и на Западе. Как бы там ни было, у большинства специалистов, знакомых с этой тематикой, не вызывает сомнения прямая связь между коллективизацией сельского хозяйства, непомерно высокими нормами сдачи сельхозпродукции и голодной катастрофой. Советский историк Виктор Данилов писал в 1988 году во времена перестройки: «Этот голод является самым страшным преступлением Сталина, той катастрофой, последствия которой сказываются во всей последующей истории советской деревни»⁵.

В январе 1934 года, на XVII съезде большевистская партия праздновала окончательную победу над крестьянством, отмечая это как «беспримерный успех социализма». Режим выиграл вторую гражданскую войну. Большевистская партия вела себя как всемогущий демиург, который в состоянии в течение кратчайшего времени создать совершенно новый мир. Официозной пропагандой XVII съезд ВКП(б) был назван «Съездом победителей» (то есть победителей крестьянства). Однако такая самоуверенная партия была чужеродным телом в совершенно поработанном обществе. Несколько лет спустя – во время «Большого террора» – партия была обезглавлена и потеряла какую-либо самостоятельность. «Чужеродное тело» интегрировалось в существующие структуры безвольного тоталитарного общества.

Если русское крестьянство отчаянно сопротивлялось экспроприации, то большевистская правящая элита встретила свое физическое уничтожение почти без сопротивления. Столь различное поведение не в последнюю очередь объясняется тем, что члены партии гораздо больше идентифицировали себя с государством, которое развязало против них беспощадную войну на уничтожение, чем русские крестьяне.

Несмотря на трагичность их судьбы, с большевиков, ставших жертвами террора, нельзя снять ответственность за сталинский деспотизм. Они стремились построить социалистический рай на земле при помощи необузданного насилия. И

---

⁴ Органы террора всячески препятствовали переселению крестьян, пытавшихся спастись от голода в города, которые лучше снабжались. В письме партийно-государственного руководства от января 1933 говорилось «ЦК и правительство располагают доказательствами, что массовое бегство крестьян ... организовано врагами советской власти. Органам госбезопасности дано указание: «Контрреволюционные элементы должны быть арестованы, а прочие беженцы возвращены на прежнее место жительства» (Werth, Nicolas. Ein Staat gegen sein Volk // Courtois, Stéphane (Hg.). Das Schwarzbuch des Kommunismus. München 1998, С.183). Однако не только изоляция городов и попытки прекратить бегство крестьян из сельских районов указывают на то, что сталинское руководство мало было заинтересовано в преодолении голода на селе. Советский Союз, несмотря на драматическое ухудшение снабжения продуктами питания, продолжал экспортировать зерно по демпинговым ценам. В 1930 и 1931 годах экспорт зерна составлял около 5 миллионов тонн в год, а в 1932 году, когда голод достиг своего апогея – 1,7 миллионов тонн (Геллер, Михаил/Некрич, Александр. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Л., 1982. Т. 1. С. 252).

⁵ История СССР. 1989. № 3. С. 55.

вместо рая они создали такую систему, которую советский философ Бутенко во время горбачевской перестройки назвал «адам на земле». Подобное развитие было в какой-то степени предсказуемым. Террор порождает террор, так что «революция пожирала своих детей».

В апреле 1938, когда «Большой террор» достиг своего апогея, Федотов писал: «Сталин ведет войну со всей Россией. Если, конечно, можно назвать войной одностороннее избиение безответных и безоружных пленников ... Один человек – против всей страны. Никогда еще ситуация в России не была столь отчаянно определенной»⁶.

К самым роковым последствиям этой войны относится обезглавливание Красной Армии, произошедшее как раз накануне советско-германской войны. Масштабы этой вакханалии насилия показывают, например, следующие цифры: в советско-германской войне погибли примерно 600 советских генералов. Жертвами сталинской войны против Красной Армии 1937–39 гг. стало втрое больше генералов или равных им по званию⁷.

В то время, как Сталин в войне против собственного народа добился значительных успехов, в деле защиты страны от внешнеполитических врагов он обнаружил свою практически полную несостоятельность. В этой области он был, как справедливо утверждает Федотов, безнадежным «головотяпом»⁸.

Когда западные державы после разгрома Гитлером Чехословакии в марте 1939 отказались от своей недальновидной и саморазрушительной политики умиротворения и выразили готовность совместно с Москвой подавить агрессию Гитлера, Сталин из недальновидного макиавеллевского расчета решился на союз с опаснейшим врагом, которого когда-либо знала Россия. Неужели он не слышал Николая Бухарина, сказавшего на XVII съезде большевиков в январе 1934 г. следующее: «Гитлер открыто призывает ... разбить наше государство, Гитлер открыто говорит о приобретении мечом необходимой якобы для германского народа территории из тех земель, которыми обладает наш Советский Союз. Гитлер формулирует [политику] так, что он желает оттеснить нас в Сибирь ... Вот этот звериный лик классового врага! ... вот с кем мы должны будем, товарищи, иметь дело во всех громаднейших исторических битвах, которые история возложила на наши плечи»⁹.

И в самом деле. От своей важнейшей внешнеполитической цели – «завоевания жизненного пространства» – несмотря на временный альянс со Сталиным Гитлер не отступал никогда. Накануне подписания пакта с Москвой он заявил Вер-

---

⁶ Федотов, Георгий. Что происходит в России? // его же. Защита России. Париж 1988, С. 190 и след.

⁷ Bonwetsch, Bernd. «Die Geschichte des Krieges ist noch nicht geschrieben»: Die Repression, das Militär und der «Große Vaterländische Krieg» // Osteuropa. 1989. Vol. 39. P.1022; Glantz, David M. Stumbling Colossus. The Red Army on the Eve of World War. Lawrence, 1998; Merridale, Catherine. Iwans Krieg. Die Rote Armee 1939-1945. Frankfurt am Main, 2006. P. 86-87.

⁸ Федотов, Георгий. Что происходит в России? // его же. Защита России. С. 183.

⁹ Известия. 31.1.1934; 1941 год: В 2 тт. Т. 2. М.1998. С. 515.

ховному комиссару Лиги Наций в Данциге Карлу Буркхарду следующее: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду договариваться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами выступлю против Советского Союза»¹⁰.

Советская поддержка помогла Гитлеру после нападения на Польшу добиться беспрецедентных военных успехов. Так как ему нечего было опасаться на Востоке, в течение почти 20 месяцев Гитлер подчинил себе практически всю несоветскую часть европейского континента. Огромные демографические и промышленные ресурсы находились теперь под контролем нацистского государства и его вассалов. Теперь Гитлер считал, что пришло время претворить в жизнь намеченное уже в *Майн Кампф* завоевание жизненного пространства на Востоке.

2. План «Барбаросса»

Сталин исходил из того, что война, истощающая силы Запада, продлится еще долго, так как между обоими враждебными лагерями сложилось равновесие сил. Быстрое поражение Франции, последовавшее через несколько недель после начавшегося 10 мая 1940 года наступления вермахта на западе, поразило Сталина так же сильно, как и многих немецких генералов, еще помнивших четырехлетнюю позиционную войну на Западном фронте в 1914–1918 годах. Равновесие сил в Европе после поражения Франции было в значительной степени нарушено. В Берлине полагали, что изолированная Британская империя не имеет никаких шансов продолжать войну. Германия собирались принудить Англию к капитуляции. В этой связи в конце мая 1940 года представитель министерства иностранных дел при генштабе сухопутных сил Германии Хассо фон Эттдорф отмечал: «Мы ищем контакта с Англией на базе передела мира»¹¹.

Статс-секретарь германского министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцеккер тогда записал: «Дело, наверное, закончится тем, что мы предложим англичанам, во избежание потерь с их стороны, навсегда отказаться от притязаний на европейский материк и предоставить его нам»¹². И снова в Берлине неверно расценили способность англичан к сопротивлению, в особенности потому, что во главе британского кабинета министров с 10 мая 1940 года был уже не Чемберлен, ставший символом политики умиротворения, а непримиримый противник Третьего Рейха Черчилль. Последний, несмотря на критическое положение

---

¹⁰ Цит. в: Kershaw, Ian. Der NS-Staat. Reinbek bei Hamburg, 1994. P. 224.

¹¹ Boog et.al. Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt/Main, 1996. P. 28.

¹² Там же. P. 28.

Британской империи, был настроен вести решительную борьбу с Германией – до окончательного устранения Гитлера и его режима.

Однако судьба войны, да и выдавленной с материка Англии, в значительной степени зависела от вступления в войну СССР. Британские политики и дипломаты неустанно пытались убедить Сталина в том, что Гитлер после разрушения равновесия сил в Европе представляет смертельную опасность не только для Запада, но и для Востока. Раньше или позже Гитлер выступит против Советского Союза, так как его окончательной целью является овладение всем европейским континентом и даже мировое господство. Эти аргументы британский посол в Москве сэр Стаффорд Криппс приводил в беседе со Сталиным 1 июля 1940 года. Советский лидер реагировал скептически: «[Он] не всегда верит тому, о чем так много кричат, так как по опыту он знает, что если они кричат, то это лишь военная хитрость [...Он] не исключает, что среди национал-социалистов есть люди, которые говорят о господстве Германии во всем мире. Но, говорит тов. Сталин, я знаю, что есть в Германии неглупые люди, которые понимают, что нет у Германии сил для господства во всем мире»¹³.

Эта вера Сталина в разум нацистского руководства удивительным образом напоминает веру западных приверженцев политики умиротворения, которые в 1934 – 1938 годах исходили из того, что внешнеполитические цели Третьего Рейха ограничены, и что на Гитлера можно воздействовать при помощи разумных аргументов. Так что западная политика умиротворения агрессора 1934 – 1938 годов получила в 1939 – 1941 годах свое продолжение на Востоке.

Несмотря на прохладную реакцию Сталина на британские попытки сближения, Лондон не оставлял усилий завоевать расположение Москвы. В меморандуме британского правительства в октябре 1940 года говорилось о готовности Англии расплатиться с Советским Союзом за его доброжелательный нейтралитет в войне признанием территориальных завоеваний Москвы в 1939 – 1940 годах: «Великобританское правительство [...] обязуется [...] до окончательного урегулирования послевоенного порядка признать] de facto власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством»¹⁴.

Но и эта попытка Лондона сблизиться с Москвой окончилась ничем. Сталин не пошел на это отчасти потому, что не хотел провоцировать Германию. Однако Гитлер сразу после разгрома Франции принял решение осуществить свою давнюю мечту – незамедлительно решить проблему «жизненного пространства» немцев. Это решение было непоколебимо. 31 июля 1940 года на горе Оберзальцберг состоялась встреча Гитлера с командованием вермахта. Слова Гитлера были записаны начальником генштаба сухопутных сил генералом Гальдером: «Англия связывает свои надежды с Россией и Америкой... Россия является восточноази-

¹³ Документы внешней политики СССР. 1940 - 22 июня 1941. М., 1995-1998. Т. 23. С. 396.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 23. М., 1995. С. 452 и след.

атской шпагой Англии и Америки против Японии... Если Россия будет разбита, последняя надежда Англии испарится. Хозяином Европы и Балкан станет Германия. Вывод: в ходе войны Россия должна быть [разгромлена]... Чем быстрее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция имеет смысл только если мы покончим [с ней] ... Захват отдельных территорий недостаточен»¹⁵.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал «Директиву № 21. План Барбаросса», в которой говорилось: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Общий замысел операции предусматривал уничтожение основных сил сухопутных войск Красной Армии, находившихся на западе СССР. Конечной целью операции являлось «создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск». Последний оставшийся у СССР индустриальный район на Урале должна была парализовать германская авиация. Приготовления по плану «Барбаросса» надлежало завершить к 15 мая 1941 года¹⁶.

Россия считалась тогда в Германии, да и не только в ней, «колоссом на глиняных ногах». Это мнение прочно закрепилось на Западе уже после поражения царской империи в Крымской войне 1853 - 1856 годов. Сокрушительные поражения России в войнах с Японией (1904 - 1905 годы), во время Первой мировой войны и в боях с вновь появившимся польским государством в 1920 году, казалось, лишь подтверждали это мнение. Война против маленькой Финляндии (1939 – 1940 годы), несмотря на победу СССР, добытую большой кровью, выглядела в глазах военных экспертов как беспримерный позор советских вооруженных сил. Немецкое же военное командование было опьянено неожиданно легкой и быстрой победой над Францией. Сразу же после ее разгрома Третий Рейх начал готовить поход против России. Начальник генштаба сухопутных сил Гальдер 28 июня 1940 года заявил: «Здесь, на Западе, еще долгое время нам некого будет побеждать». За десять дней до встречи в Оберзальцберге (21 июля 1940 года) главнокомандующий сухопутными силами Германии Вальтер фон Браухич подготовил для Гитлера основные направления плана нападения на Россию. Браухич полагал, что Красная Армия имеет не более семидесяти – семидесяти пяти «хороших» дивизий¹⁷. В Берлине считали, что война с Россией будет еще короче и разрушительнее, чем война на Западе, – отмечал военный историк из ФРГ Р. – Д. Мюллер.

Некоторые представители консервативно настроенного истеблишмента Германии скептически восприняли намерение Гитлера открыть второй фронт до окон-

¹⁵ Boog et.al. Der Angriff. P. 38 и след.

¹⁶ Там же. P. 292.

¹⁷ Hillgruber, Andreas. Das Rußland-Bild der führenden deutschen Militärs vor Beginn des Angriffs auf die Sowjetunion // Fischer, Alexander/Moltmann, Günter/Schwabe, Klaus (Hg.). Rußland-Deutschland-Amerika. Festschrift für Fritz T. Epstein zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1978. P. 296-310, зд. P. 298.

чания войны с Англией. Осенью 1940 года британский королевский военно-воздушный флот практически выиграл воздушную битву за Англию. Советский полпред в Лондоне Майский 3 ноября 1940 года записал, что Гитлер в битве за Англию, как и в свое время Наполеон, потерпел поражение – первое поражение в этой войне, последствия которого трудно предвидеть¹⁸.

Именно из этих соображений некоторые консервативные политики призывали к осторожности. Немецкий посол в Москве Фридрих Вернер граф фон дер Шуленбург пытался убедить Гитлера, что продолжение советско-германского сотрудничества будет полезно для Германии¹⁹. Статс-секретарь министерства иностранных дел Вайцеккер полагал, что война против России ни в коем случае не приведет к ускорению завершения британо-германского военного конфликта. Он считал, что опасаться следует, скорее, противоположного развития событий²⁰.

Однако все эти протесты помогали так же мало, как и предшествующие попытки консервативных союзников Гитлера остановить авантюристское поведение нацистского фюрера. Консерваторы в конце концов уступили так же, как они уступали и раньше во время конфликтных ситуаций, не в последнюю очередь потому, что были согласны со многими пунктами внешнеполитической программы Гитлера. Военный историк из ФРГ Манфред Мессершмидт говорит в этой связи о «частичной идентичности целей»²¹.

За компромисс, на который немецкие консерваторы пошли с нацистским руководством, нужно было платить. Его следствием был отказ Гитлера от радикальных экономических и социальных преобразований; он обезвредил социал-радикальное крыло своего движения, представители которого (Рем и другие), стремились сразу после прихода к власти устроить «вторую революцию». Так как путь социальных преобразований был временно закрыт, то неограниченная территориальная экспансия представляла, в сущности, единственный путь для выхода накопившегося внутри страны напряжения. Чтобы не нарушать гарантированное Гитлером внутривнутриполитическое равновесие, его консервативные партнеры, как правило, отказывались от решительного сопротивления авантюрным мероприятиям «фюрера» в области внешней политики. «Частичная идентичность целей» не ограничивалась областью политики. Многие представители консервативной элиты копировали идеологические постулаты НСДАП и перенимали стиль нацистского вождя.

---

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 22. М., 1992. С. 16.

¹⁹ См. тж. Gorodetsky, Gabriel. *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia*. New Haven, 1999. P. 203-206; Chavkin, Boris. *Der deutsche Widerstand und Graf von der Schulenburg // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2010. Vol. 14. № 2. С. 11-29.

²⁰ Boog et.al. *Der Angriff*. P. 59; Gorodetsky. *Grand Delusion*. P. 205; Гитлер же всегда подчеркивал, что поражение России подтолкнет Англию к отказу от борьбы (Generaloberst Halder: *Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939-1942*. Vols 1-3. Stuttgart, 1962, 3d. vol. 2, p. 455).

²¹ Messerschmidt, Manfred. *Die Wehrmacht im NS-Staat // Bracher, Karl-Dietrich/Funke, Manfred/Jacobsen, Hans-Adolf (Hg.). Deutschland 1933-1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft*. Düsseldorf, 1992. P. 377-403.

Война против Советского Союза сознательно готовилась Гитлером как война нового рода, как мировоззренческая война на уничтожение. 30 марта 1941 года он рассказал своим генералам о том, как представляет себе эту войну. Генерал Гальдер записал: «*Борьба двух идеологий: смертный приговор большевизму. [Большевизм] есть асоциальная преступность... Мы не должны стоять на точке зрения солдатского товарищества. Коммунист не был и никогда не будет товарищем... Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Нужно предотвратить появление новой интеллигенции*»²².

Даже эти аргументы нацистского фюрера не вызвали активных протестов со стороны его консервативных союзников, многие генералы безропотно приняли их. Так, например, командующий 18-ой армией вермахта генерал-полковник фон Кюхлер в апреле 1941 года утверждал: «От России нас отделяет в мировоззренческом и расовом отношении глубокая пропасть. Россия является азиатским государством уже по количеству занятой ею земли... Фюрер не хочет перекладывать ответственность за судьбу Германии на следующее поколение. Он поставил своей целью еще в этом году довести дело до военного конфликта с Россией. Если Германия хочет обезопасить себя на поколения вперед от угрозы с Востока, то Россию [...] следует не просто несколько потеснить, а уничтожить европейскую часть России, упразднить российское европейское государство»²³.

В своей книге *Политика уничтожения* (1998) Петер Лонгерих пишет: «В ходе [...] идеологически мотивированной, страшно жестокой войны, которая, как и рассчитывало нацистское руководство, велась с нарушением международных правил, внутри "Третьего Рейха" неизбежно должен был произойти процесс радикализации, который должен был окончательно сместить равновесие власти за счет консервативной элиты в пользу национал-социалистического движения. Этот процесс радикализации получил свое выражение, среди прочего, еще и в том, что во время подготовки к войне вермахт воспринял идеологию национал-социализма и воспроизводил ее в основных приказах»²⁴.

3. Сталинская политика умиротворения

С осени 1940 года Москву постоянно предупреждали о предстоящем нападении Гитлера. Уже в сентябре берлинский агент советской разведки («Корсиканец») послал в Москву следующую информацию: «[В] начале будущего года Германия

²² Halder. Kriegstagebuch. Vol. 2. P. 336-337.; Boog et.al. Der Angriff. P. 511-512.

²³ Boog et.al. Der Angriff. P. 49; см. тж. Hillgruber. Das Rußland-Bild.

²⁴ Longerich, Peter. Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. München-Zürich, 1998. P. 297.

начнет войну против Советского Союза... Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства целиком зависящего от Германии»²⁵. Помимо многочисленных советских агентов за границей Москву предупреждали ведущие британские политики и дипломаты. Так, например, британский посол в Москве Криппс в разговоре с заместителем наркома иностранных дел Вышинским 6 марта 1941 года сообщил о существовании слухов о предстоящем нападении Германии на Советский Союз²⁶. Как реагировала Москва на все более активную угрозу советско-германской войны? Преследуемый ею курс был двойственным. С одной стороны, советское руководство всячески пыталось успокоить Германию, искало компромиссы в спорных вопросах, надежно и пунктуально выполняло свои обязательства, вытекающие из советско-германского торгового соглашения. Так, например, Советский Союз поставлял в Германию стратегически важное сырье и продовольствие. До начала советско-германской войны в Германию было отправлено 2,2 миллиона тонн зерна, кукурузы и бобовых, 1 миллион тонн нефтепродуктов, 14000 тонн хлопка, 18500 тонн марганцевой руды, 23 тонны хромовой руды и другое сырье. А на 1942 год было намечено отправить в Германию пять миллионов тонн зерна²⁷. С другой стороны, Москва пыталась улучшить свои стратегические позиции в надвигающемся военном конфликте с Германией и лихорадочно вооружалась.

Наглядным примером такой двойной стратегии явилось поведение Молотова во время его переговоров с руководством Третьего Рейха в Берлине в ноябре 1940 года. Его переговорная стратегия была определена Сталиным в директиве, которая недавно стала доступна общественности. Нарком иностранных дел должен был обсудить с Гитлером новый передел Восточной Европы. Сталина больше всего интересовала надежность советских позиций на северном и южном флангах – Финляндия с одной стороны и Болгария с другой. Оба эти государства должны были войти в сферу влияния Советского Союза. В Болгарии должны были даже размещаться советские войска.

Гитлер ни в коем случае не хотел соглашаться с планами такого передела сфер влияния. Как Финляндия, так и Болгария находились тогда в усиливающейся зависимости от Германии, и в отношении этих стран Берлин не собирался идти на уступки. Вместо этого Гитлер и Риббентроп предложили Советскому Союзу расширить границы в сторону Персидского залива и Индийского океана за счет Британской империи, которая, по мнению Риббентропа, уже проиграла войну. Гитлер, со своей стороны, назвал Британскую империю территорией, которая должна быть поделена между Германией, Японией, Италией и Россией. (27

²⁵ Виноградов, В. и др. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 11.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 23. М., 1995. С. 452 и след.

²⁷ Schwendemann, Heinrich. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit des Deutschen Reiches mit der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Berlin, 1993. P. 350; Boog et.al. Der Angriff. P. 125; Kershaw. Wendepunkte. P. 355.

сентября 1940 года Германия, Япония и Италия подписали направленный против Англии «тройственный пакт».) Положение Англии, по мнению Гитлера, было еще и потому столь бесперспективно, что она потеряла всех своих союзников на материке.

В этой связи следует вспомнить, что за несколько месяцев до этого (31 июля 1940 года) на совещании с командованием вермахта Гитлер высказал совсем иное мнение. Он сказал, что у Англии остался на материке еще один союзник – Россия. Это обстоятельство ясно показывает, что предложение Гитлера советскому правительству участвовать вместе с Германией и ее союзниками в разделе Британской империи было несерьезно. В тот момент Гитлер уже не был заинтересован в хороших отношениях с Москвой. Упорный отказ Молотова заниматься «мировыми политическими вопросами», его настойчивые попытки перевести разговор на решение таких «периферийных проблем», как болгарский или финский вопрос, утвердили Гитлера в его решении как можно скорее устранить Россию как политический фактор. Молотов писал Сталину из Берлина, что беседы с Гитлером и Риббентропом не дали положительных результатов, что похвастаться нечем²⁸.

Всё новые государства (Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария и, наконец, Югославия) присоединялись к «тройственному пакту», который формально был направлен против Англии, а в действительности – и против СССР. Это победное шествие Гитлера по Восточной Европе было прервано только один раз: 27 марта 1941 года в Белграде произошел государственный переворот. Новое руководство Югославии было настроено против Германии и обратилось за помощью к Москве. 5 апреля 1941 года в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе, который был воспринят Берлином как беспримерная провокация. На следующий день, 6 апреля, начался военный поход Третьего Рейха против Югославии и Греции. 17 апреля югославские войска капитулировали²⁹.

Советская политика умиротворения Третьего Рейха привела к таким же результатам, что и ее западный аналог в 1934 – 1938 годах: она лишь увеличила агрессивность Гитлера. После поражения Югославии Москва вновь попыталась умиротворить нацистского диктатора. 8 мая 1941 года СССР разорвал дипломатические отношения с некоторыми оккупированными Германией государствами: Югославией, Бельгией, Норвегией. 13 июня советское информационное агентство ТАСС заявило, что слухи о «близости войны между СССР и Германией [...]

---

²⁸ См. Лавров, В.С. Что скрывалось за приглашением Молотова осенью 1940 г. в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 г. в Англию // *Международный кризис 1939-1941 гг.* М., 2006. С. 357-385; *Документы внешней политики 1940 - 22 июня 1941*, т. 23, М., 1998. С. 54-107; Симонс, В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // *Новая и новейшая история.* 1996. № 3. С. 145-161; Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. Предисловие Л.А. Безыменского // *Новая и новейшая история.* 1995. № 4. С. 76-79.

²⁹ Gorodetsky, Gabriel. *Grand Delusion.* P. 137-154.

являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны»³⁰.

Подобные заверения в дружбе между СССР и Германией не оказали ни малейшего влияния на Гитлера, зато чудовищно подействовали на население самого Советского Союза, которое не смогло внутренне подготовиться к предстоящей войне с самым опасным внешнеполитическим врагом России за всю новейшую историю.

Эти попытки умиротворить Третий Рейх представляли собой один из аспектов советской политики накануне войны. Но втайне от общественности советское руководство все интенсивнее отмежевывалось от Германии. Одним из наглядных примеров такой линии была речь Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий Красной Армии 5 мая 1941 года. Эта речь, вокруг которой десятилетиями курсировали всевозможные слухи, была опубликована только в 1990 году.

В типичном для него стиле «вопрос – ответ» Сталин спрашивал, действительно ли германская армия непобедима, и сам себе отвечал: «Нет, в мире нет и не было непобедимых армий... Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические... [Такая] перемена лозунга не приведет к победе... Немцы считают, что их армия - самая идеальная, самая хорошая, самая непобедимая. Это неверно. Армию необходимо изо дня в день совершенствовать. Любой политик, [...] допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой»³¹.

Произнося тосты на приеме, Сталин поправил одного генерала, который хотел поднять бокал за «мирную сталинскую внешнюю политику»: «Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика – дело хорошее. Мы до поры до времени проводили такую линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению... От обороны перейти к военной политике наступательных действий... Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная»³².

С осени 1940 года в политике Коминтерна снова появились антинемецкие и «антифашистские» акценты, как это было до августа 1939 года. В конце ноября 1940 года Димитров в разговоре с Молотовым сообщил о новой тактике Комин-

---

³⁰ 1941 год. Т. 2. С. 361; Gorodetsky. Grand Delusion. P. 287-292.

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 23. С. 651.

терна: «Мы ведем курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах и эту работу, не крича об этом, хотим еще больше усилить. Не помешает ли это советской политике?». Молотов ответил: «Конечно, это надо делать, мы не были бы коммунистами, если не вели бы такой курс. Только делать это надо без шума»³³. Отдельным секциям Коминтерна, особенно в южно-восточной Европе, ИККИ рекомендовал вести осторожную пропаганду антигерманского курса. Эта пропаганда, однако, не должна была слишком бросаться в глаза.

Воодушевленный новыми акцентами сталинской политики, начальник генштаба РККА Г. К. Жуков 15 мая 1941 года разработал совместно с наркомом обороны Тимошенко «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Жуков докладывал о том, что Германия уже сосредоточила дивизии на границе СССР. Описывая немецкое развертывание, Жуков считал возможным нанесение вермахтом внезапного удара по Красной Армии и предлагал: «Чтобы предотвратить это, ... считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»³⁴.

Перед советско-германской войной в западных военных округах Советского Союза было размещено около 2,9 миллионов солдат, 14-15 тысяч танков и почти 9 тысяч боевых самолетов. Им противостояли более 3 миллионов солдат вермахта и около 600 тысяч солдат союзных Германии государств - Румынии, Финляндии, Венгрии. Немцы имели в своем распоряжении около 3600 танков, более 2500 самолетов, а их союзники – около 900 боевых самолетов³⁵.

Планировал ли Сталин превентивную войну? Хотел ли он опередить Гитлера, чье решение о нападении на СССР было принято уже в июле 1940 года?

Нападение Германии на Советский Союз преподносилось нацистской пропагандой как ответная реакция на агрессивные намерения русских. Сразу же после нападения на СССР Гитлер в воззвании к «немецкому народу и национал-социалистам» заявил: «Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы... Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы доказать нам таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий... Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра»³⁶.

---

³² 1941 год. Т. 2. С. 162.

³³ Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994-1998. Т. 1. С. 40.

³⁴ 1941 год. Т. 2. С. 216.

³⁵ Voog et.al. Der Angriff. P. 61, 105, 108-109.

³⁶ 1941 год. Т. 2. С. 437.

Было ли нападение Гитлера на Советский Союз своего рода превентивной войной? Против этого тезиса однозначно говорит оценка сложившейся ситуации начальником генштаба германских сухопутных сил Гальдером. Во время совещания с командующими армий и групп армий 4 июня 1941 года он оценил советское стратегическое развертывание как оборонительное. Крупное наступление Красной Армии Гальдер считал «маловероятным» и называл «ерундой». Больше всего Гитлер опасался не мощи Красной Армии, а того, что Сталин, пойдя на слишком большие компромиссы, перечеркнет его план нападения на СССР. Гитлер ни в коем случае не считал Советский Союз равноценным противником германского рейха, а скорее, как и бывшие потенциальные завоеватели России, «колоссом на глиняных ногах». Йозеф Геббельс незадолго до нападения на СССР писал о ходе мыслей своего фюрера: «Это будет широкомасштабное нападение в грандиозном стиле. Пожалуй, крупнейшее из тех, что когда-либо знала история. Пример Наполеона не повторится... Русские сконцентрировали свои силы на границе, это лучшее из того, что могло случиться... Прорыв будет осуществлен на различных направлениях. Русские будут сметены. Фюрер рассчитывает провести операцию за четыре месяца. Я думаю, это будет еще быстрее. Большевизм рухнет как карточный домик. Мы стоим на пороге великой победы»³⁷.

Несмотря на свое решительное и выдержанное в наступательном духе выступление перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 года, Сталин и в дальнейшем неустанно пытался умиротворить Гитлера. Генерал Лященко вспоминал, что Сталин не сомневался в неизбежности советско-германской войны, но все же надеялся, что Молотову, может быть, удастся оттянуть начало войны хотя бы на два - три месяца³⁸.

О судьбе разработанных генштабом Красной Армии «Соображений» от 15 мая 1941 года их автор Жуков рассказал в своих воспоминаниях. Вместе с наркомом обороны Тимошенко он доложил этот план Сталину. Тот был возмущен: «Вы, что, толкаете нас на провокацию войны?»³⁹. План Жукова был помещен в архив. Об аналогичной реакции Сталина на попытки советских военных привести расположенные у западной границы войска в состояние повышенной боевой готовности сообщал также генерал Василевский, который в 1940-1941 годах был заместителем начальника оперативного отдела генштаба РККА. Сталин очень долго не верил в скорое начало советско-германской войны и надеялся оттянуть сроки ее начала при помощи дипломатических и политических мероприятий. Чтобы не провоцировать Гитлера, он отказался от подготовки расположенных у границы войск к внезапному нападению. Когда командующие войсками Киевского и Белорусского военных округов попытались в начале июня 1941 года в ответ на немецкое стратегическое развертывание осуществить ответные действия, в

³⁷ Goebbels. Tagebücher. Vol. 4. P. 694-695.

³⁸ Независимая газета. 18.6.1991. С. 5; см. также: Чуев, Феликс. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 31 и след., с. 39 и след.; Kershaw. Wendepunkte. P. 340-341.

³⁹ 1941 год. Т. 2. С. 501 и след.

Москве их строго отчитали. Одним из немногих военачальников, которые, несмотря на исходившие из Центра запреты, подготовили свои войска к возможному нападению, был, как сообщает советский военный историк Солнышков, командующий Одесским военным округом Н. Захаров.

15 июня 1941 года знаменитый советский разведчик Рихард Зорге сообщил из Токио, что нападение Германии на СССР состоится 22 июня 1941 года. Сталин не принял и эту информацию всерьез, расценив ее как немецкую дезинформацию⁴⁰. 21 июня 1941 года Берия написал Сталину, что настаивает на отзыве и наказании полпреда в Берлине Деканозова, который продолжает бомбардировать его дезинформацией о подготовленном Гитлером нападении на СССР. Он сообщает, что это произойдет завтра. В этой связи Берия напоминал о мудром высказывании Сталина, что в 1941 году Гитлер на СССР не нападет⁴¹.

Лишь за несколько дней до немецкого нападения последовал ряд приказов НКО о повышении боевой готовности, но, как позже писал Жуков, «ограничились полумерами, которые потом тяжело отразились в начальном периоде войны».⁴²

В связи со «страусиной» политикой Сталина вновь встает вопрос о достоверности нацистского пропагандистского тезиса о том, что нападение Германии на Советский Союз было якобы превентивной мерой. Этот вопрос был в очередной раз поднят бывшим офицером советской военной разведки и историком-любителем Виктором Суворовым (В. Резун) в 1985 году. Автор утверждает, что Сталин планировал нападение на Германию летом 1941 года. Подавляющее большинство современных немецких военных историков считают этот тезис научно не обоснованным. Потсдамский военный историк Юрген Фёрстер в этой связи пишет: «Исходя из жестокой внутренней политики Сталина, делать выводы о его агрессивной внешней политике в отношении Третьего Рейха... ненаучно». Историк отмечает, что «для интерпретации плана "Барбаросса" в качестве плана превентивного удара не хватает не только объективных фактов – реальной военной опасности, исходившей от советской стороны, но и необходимых субъективных предпосылок с немецкой стороны – ощущения непосредственной угрозы Третьему Рейху со стороны Красной Армии, того ощущения, которое могло бы послужить для высшего руководства рейха решающим фактором для принятия решения о нападении на Советский Союз»⁴³.

В противоположность Гитлеру Сталин никогда не шел в своей внешней политике ва-банк. Чтобы свести риск к минимуму, он всегда нападал только на тех противников, которые были слабее СССР. Троцкий в июне 1939 года по этому поводу писал: «Осторожность является основной чертой [Сталина], особенно на

⁴⁰ Волкогонов, Дмитрий. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в 2-х книгах. М., 1995. Т. 1. С. 213; Kershaw. Wendepunkte. P. 342-349, 354-361; Gorodetsky. Grand Delusion. P. 294-299.

⁴¹ Der Spiegel. 1991. № 24. P. 146; Известия. 11.6.1991. С. 4.

⁴² 1941 год. Т. 2. С. 502.

⁴³ Boog et.al. Der Angriff. P. 68.

арене мировой политики. Смелость ему абсолютно чужда. И хотя он не останавливается перед насилием в невиданных ранее масштабах, но только в том случае, если ему гарантирована безнаказанность. Зато он легко идет на уступки и даже отступает, если не может предвидеть исхода борьбы»⁴⁴. Отчасти из-за подобных непочтительных, но одновременно метких высказываний о характере московского тирана, Троцкий и стал жертвой инициированной Сталиным охоты, которая, в конце концов, привела к желаемому результату: в августе 1940 года Троцкий был убит.

Когда германский посол в Москве граф Шуленбург передал Молотову 22 июня 1941 года официальное заявление рейха об объявлении войны СССР, Молотов, по словам присутствовавшего при этом немецкого дипломата Густава Хильгера, якобы сказал: «Мы этого не заслужили»⁴⁵. Основываясь на советской стенограмме, которая была недавно опубликована, последние слова Молотова звучали несколько иначе: «Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?». В ответ Шуленбург подчеркнул, что в течение шести лет пытался наладить дружеские отношения между обеими странами, но бороться против судьбы не в силах⁴⁶.

4. Первый этап советско-германской войны: стихийная десталинизация или модификация сталинского режима?

Сталинский режим, который с начала 30-х годов вел войну против мнимых врагов народа, 22 июня 1941 года столкнулся с реальными врагами. Многие говорили о том, что он не выдержит столь тяжелого испытания. Неудачи Красной Армии в первые месяцы войны стали одной из величайших катастроф во всемирной военной истории.

Советско-германская война состояла как бы из двух войн, которые принципиально отличались друг от друга. Во время «первой войны», которая шла летом и осенью 1941 года, Красная Армия потерпела сокрушительное поражение⁴⁷. В результате проведения целого ряда успешных операций на окружение, так называемых «котлов», армиям рейха и его сателлитов удалось разгромить большую часть советских вооруженных сил, принявших на себя первый удар. В битве под Минском (в начале июля 1941 года) были взяты в плен 329 000 красноармейцев, под

---

⁴⁴ Trotzki, Leo. Schriften. 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Vols 1-2. Frankfurt/Main, 1988, зд. vol. 2, p. 1212.

⁴⁵ Hilger, Gustav. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt am Main, 1956. P. 313.

⁴⁶ 1941 год. Т. 2. С. 432; Чуев, Ф. Сто сорок бесед. С. 48 и след.

⁴⁷ Кулешов. Наше Отечество. С. 400 и след.

Уманью (в начале августа 1941 года) – 106 000, под Киевом (в 20-х числах сентября 1941 года) – 656 000, под Брянском и Вязьмой (середина октября 1941 года) – 663 000. В общей сложности, до конца 1941 года были взяты в плен 3,8 миллионов советских солдат и офицеров. (Для сравнения: число немецких военнослужащих, попавших в советский плен за все время советско-германской войны 1941 – 1945 годов, составило 3,15 миллионов человек). 3 июля 1941 года начальник немецкого генштаба сухопутных сил генерал Гальдер писал, что война с Россией, в сущности, уже выиграна⁴⁸.

Волкогинов сообщает, что личный состав Красной Армии через шесть месяцев после начала войны с Германией составлял всего 6-7% от первоначального. С конца 1941 года против Германии боролась совсем другая армия, считает Волкогинов. Помимо того, Красная Армия потеряла до конца 1941 года примерно 25 000 самолетов и 22 000 танков⁴⁹. В 1941 – 1942 годах Германия заняла почти 2 миллиона кв. км территории СССР, на которой до войны проживало более 80 миллионов человек (примерно 40% всего населения страны). До войны в этих областях производилось около 58% стали, 65% алюминия, 71% чугуна, 38% зерна, добывалось 63% каменного угля⁵⁰. Александр Некрич пишет, что царские генералы, которых официальные советские историографы так часто обвиняли в бездарности, никогда не испытывали таких сокрушительных поражений⁵¹.

Можно ли объяснить эту катастрофу Красной Армии тем, что Сталин до последнего момента пытался умиротворить Гитлера и поэтому не разрешал своим генералам проводить ответные военные мероприятия, на которых они настаивали? Начальник генштаба РККА Жуков сообщал, например, что, узнав о нападении Германии, Сталин первоначально считал, что это провокация немецких военных. Чтобы избежать эскалации, он требовал «ответных действий» не предпринимать⁵². Лишь спустя три часа после начала немецкого наступления Сталин разрешил Красной Армии открыть ответный огонь.

Исследователи часто спорят, почему в первый день войны не Сталин, а его заместитель Молотов обратился с речью к народу по радио. И это несмотря на то, что с 6 мая 1941 года Сталин был не только руководителем партии, но и правительства. Молотов, ранее занимавший пост главы правительства, был назначен заместителем председателя Совнаркома. Несмотря на не только фактическое, но и формальное сосредоточение власти в своих руках, Сталин спрятался в этой, пожалуй, самой опасной для своего режима ситуации за спину заместителя, который и определил нападение Германии как беспрецедентное в истории цивилизованных народов вероломство: «Не первый раз нашему народу приходится иметь де-

⁴⁸ Boog et.al. *Der Angriff*. P. 573; Thamer, Hans-Ulrich. *Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945*. Berlin, 1986. P. 661.

⁴⁹ Кулешов, С. *Наше Отечество*. С. 402.

⁵⁰ Boog et.al. *Der Angriff*. P. 867 и след.

⁵¹ Геллер/Некрич. *Утопия у власти*. Т. 2. С. 84.

⁵² *Московские новости*. 16.6.1996. С. 22; *Источник*. 1996. № 2. С. 147; Gorodetsky. *Grand Delusion*. P. 323.

ло с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение... То же будет и с зазнавшимся Гитлером... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»⁵³.

В литературе часто обсуждается предположение, что в первый день войны Сталин отказался объявить своему народу о нападении Германии, потому что его охватила паника, и внутренне он был парализован. Молотов отрицал это. После войны, в разговоре с писателем Ф. Чуевым, он сказал, что Сталину была не ясна ситуация, он хотел выждать какое-то время, прежде чем сформулировать определенную позицию в отношении развития событий на советско-германской границе⁵⁴. Другими словами, даже в день нападения на СССР Сталин не хотел сжигать за собой все мосты, он все еще надеялся на компромисс с Гитлером. Паника охватила Сталина только несколько дней спустя, когда ему стало окончательно ясно, что его политика умиротворения не принесла желаемых результатов. Многие современники вспоминают, что Сталин был настолько подавлен, что даже выпустил инициативу из рук. Он спрятался на своей даче и ничем не интересовался. Настроение его ближайших соратников было существенно оптимистичнее. Микоян вспоминал: «У нас была уверенность в том, что мы можем организовать оборону и можем сражаться по-настоящему. Однако это пока не так легко будет. Никакого упаднического настроения у нас не было»⁵⁵.

Катастрофические поражения Красной Армии летом и осенью 1941 года объясняются не только запретом Сталина своевременно предпринять действенные меры для нанесения ответного удара или эффектом неожиданности. Не менее важным было и то обстоятельство, что в Красной Армии в 1941 году остро чувствовалась нехватка опытных командных кадров, которые были уничтожены по приказу Сталина в 1937-1938 годах. То, что советские военные так беспомощно реагировали на наступление немцев в начале войны, а также многочисленные «котлы», в которых сотни тысяч советских солдат гибли и попадали в плен, были следствием отсутствия опыта «обновленного» офицерского корпуса РККА. Атмосфера страха, распространившаяся в Красной Армии во времена Большого террора, гасила личную инициативу и тех командиров, которые пережили его. Но даже это обстоятельство не является достаточным объяснением того, почему вермахту удалось в течение шести месяцев взять в плен 3,8 миллионов солдат противника и дойти до самой Москвы.

Поражения Красной Армии были, скорее всего, обусловлены низким боевым духом многих советских солдат к началу войны. Жестокий террор 30-х годов, направленный против всех слоев населения, неизбежно должен был оказать разлагающее воздействие на моральный дух общества. О возможности подобного развития событий еще в 1929 году накануне коллективизации сельского хозяйства

---

⁵³ 1941 год. Т. 2. С. 435.

⁵⁴ Чуев, Ф. Сто сорок бесед. С. 50 и след.

предупреждал Бухарин. Двенадцать лет спустя это предупреждение оказалось особенно актуальным. Во многих советских деревнях, причем не только на аннексированных в 1939-1940 годах территориях, но и в исконно русских регионах, немецких солдат нередко встречали доброжелательно, иногда даже приветствовали как освободителей. Американский историк Александр Даллин полагает, что летом 1941 года у немецких оккупационных войск был неплохой шанс «умелым поведением [организовать население], как гражданское, так и военных, поднять их на восстание против советского режима»⁵⁶.

Кроме того, что многие советские солдаты сдавались в плен, были также и перебежчики. Даже в конце войны, в 1944-1945 годах, каждый шестнадцатый советский военнопленный был перебежчиком.⁵⁷ Пораженческие настроения, охватившие некоторую часть советского населения и Красной Армии, были обусловлены еще и тем, что противники советского режима поначалу не понимали намерений национал-социалистического руководства Германии. Подобно западным и советским сторонникам политики умиротворения Гитлера, подобно многим немецким консерваторам, они должны были многому научиться, чтобы понять, что даже частичная идентификация с нацизмом шла на пользу только Гитлеру, для его же союзников, активных и пассивных попутчиков, она имела разрушительные последствия.

Войну против Советского Союза Гитлер воспринял как своего рода внутреннее освобождение. Наконец-то ему больше не надо было притворяться и идти на компромиссы с ненавистным идеологическим противником: «С тех пор, как я осуществил свое намерение, я чувствую себя внутренне свободным», – писал Гитлер Муссолини сразу после нападения на СССР⁵⁸.

«Гитлер не искал больше тактических решений, а лишь "окончательные"», – писал его биограф Иоахим Фест. Так называемая «вторая национал-социалистическая революция», которой Гитлер не допустил после прихода к власти, развернулась теперь в полную силу. Ее первыми жертвами стали советские евреи и военнопленные⁵⁹.

Мировоззренческая война на уничтожение была подготовлена рядом приказов и распоряжений фюрера самого различного характера. К ним относятся «Указания по обращению с политическими комиссарами», которые были сформулированы высшим командованием вермахта 6 июня 1941 года: «В борьбе против большевизма нельзя рассчитывать на то, что поведение врага будет основываться на принципах человечности или международного права. В особенности от *политических комиссаров всех сортов*, которые являются зачинщиками сопротивле-

---

⁵⁵ 1941 год. Т. 2. С. 498.

⁵⁶ Boog et.al. Der Angriff. P. 865.

⁵⁷ Boog et.al. Der Angriff. P. 863.

⁵⁸ Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937-1941. Die Kriegsjahre. Vol. 5/2. Göttingen, 1969. P. 892; см. тж.: Kershaw. Hitler 1936–1945. Stuttgart, 2000. P. 512.

⁵⁹ Fest, Joachim C. Hitler. Eine Biographie. Berlin, 1973. P. 885.

ния, следует ожидать жестокого, бесчеловечного, исполненного ненависти отношения к пленным. Поэтому политические комиссары, взятые в плен во время боя или при оказании сопротивления, должны быть *сейчас же* расстреляны».⁶⁰

В выпускаемых отделом пропаганды вермахта «Сообщениях для войск» в июне 1941 года можно прочитать следующее: «Что такое большевики, знает каждый, кто хоть раз посмотрел в лицо одного из красных комиссаров... Это было бы оскорблением животных, назвать черты этих нелюдей, большая часть из которых евреи, звериными. Они являются олицетворением inferнальной, персонифицированной безумной ненависти против всего благородного человечества. В образе этих комиссаров мы наблюдаем восстание недочеловека против благородной крови»⁶¹.

В первые недели войны многие тысячи советских политработников стали жертвами «приказа о комиссарах». Их отделяли от других военнопленных и расстреливали. С середины августа 1941 года в рядах вермахта начали расти протесты против этого приказа. Его называли «одной из причин ожесточенного сопротивления врага». Однако этот приказ был отменен лишь весной 1942 года, чтобы стимулировать советских солдат к переходу на сторону немцев. Несмотря на отмену «приказа о комиссарах», уничтожение политработников и других советских руководящих деятелей, попавших в плен, продолжалось.⁶²

Трагичной была судьба не только пленных политруков, но и простых солдат. 60% красноармейцев, попавших в 1941 году в плен, примерно два миллиона человек, погибли к 1 февраля 1942 года. Они умерли от голода или сыпного тифа. Потсдамский военный историк Мюллер пишет: «Большинство из более чем трех миллионов военнопленных не имело ни малейшего шанса на выживание. Постоянно возрастающую смертность [...] было бы неправильно объяснять только военными обстоятельствами... Гораздо более веской причиной массовой гибели советских военнопленных было стремление германского руководства предоставлять военнопленным, так же как и населению советских городов, как можно меньше продовольствия»⁶³.

Через несколько недель после начала войны с Россией Гитлер считал СССР уже почти разгромленным и сообщил своему ближайшему окружению о том, какое будущее ожидает завоеванные территории: «Образование военной силы западнее Урала больше нельзя допустить ни при каких обстоятельствах... Железный принцип: [...] никто, кроме немца, не должен носить оружие»⁶⁴.

Сразу после начала советско-германской войны рейхскомиссариат по укреплению немецкой народности, который был подведомственен рейхсфюреру СС Ген-

⁶⁰ Boog et.al. Der Angriff. P. 522.

⁶¹ Там же. P. 528.

⁶² Там же. P. 1262; Römer, Felix. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008. С. 541.

⁶³ Там же. P. 1196.

⁶⁴ Thamer. Verführung und Gewalt. P. 662.

риху Гиммлеру, разработал так называемый «Генеральный план ост» – план «германизации» оккупированных советских областей. Этот план предусматривал заселение Прибалтики, Восточной Польши, Белоруссии и части Украины немцами и депортацию более чем тридцати миллионов «нежелательных с расовой точки зрения» человек из этих областей в Западную Сибирь. Только четырнадцать миллионов «расово полноценных» имели право остаться на своих территориях⁶⁵.

Помимо завоевания жизненного пространства и искоренения большевизма Гитлер хотел наконец исполнить свою третью заветную мечту, причем немедленно – речь шла о так называемом «окончательном решении еврейского вопроса». Сразу после нападения на Советский Союз «эйнзац-команды» и оперативные группы органов безопасности, полицейские батальоны и другие войсковые формирования начали уничтожение евреев, которое принимало все более массовые и жестокие формы. Сотни тысяч евреев на оккупированных территориях СССР были убиты уже в первые месяцы войны. В разговоре с хорватским военным министром Кватерником 21 июля 1941 года Гитлер заявил: «Евреи являются бичом человечества. Эстонцы, литовцы и латыши осуществляют теперь свою кровную месть... Если бы евреям была открыта дорога, как это было в советском раю, они бы осуществили свои самые безумные планы... Если какое-нибудь государство по каким-либо причинам терпит на своей территории всего лишь одну единственную еврейскую семью, то она станет очагом нового разложения. Если бы в Европе не было евреев, то ничто не мешало бы единству европейских государств. Все равно, куда ссылать евреев – в Сибирь или на Мадагаскар»⁶⁶.

Решения Ваннзейской конференции, состоявшейся в январе 1942 года под Берлином, в которой приняли участие представители различных ведомств Третьего Рейха, предусматривали «окончательное решение еврейского вопроса». Ваннзейский протокол о планах уничтожения евреев гласил: «В ходе окончательного решения вопроса евреи на Востоке под надлежащим надзором должны быть соответствующим образом использованы в качестве рабочей силы. Большими рабочими колоннами, отдельно мужчины и женщины, трудоспособные евреи будут переведены в эти области, где их будут использовать на строительстве дорог, причем, несомненно, большая часть их вымрет в результате естественного отбора. С той частью евреев, которая [...] выживет [...], нужно будет обращаться соответствующим образом, поскольку это будет, естественно, наиболее способная к сопротивлению часть»⁶⁷.

Мировоззренческая война национал-социализма явно противоречила традиционным представлениям немецких или прусских консерваторов о войне. И все-та-

---

⁶⁵ Там же. P. 662.

⁶⁶ Там же. P. 663; Michaelis, Herbert/Schraepfer, Ernst (Hg.). Ursachen und Folgen vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte. Berlin, 1964-1976. Vol. 17. P. 308.

⁶⁷ Thamer. Verführung und Gewalt. P. 707; См. также: Friedländer, Saul. Die Jahre der Vernichtung: Das Dritte Reich und die Juden. München 2006. С. 367-371.

ки протест против этой новой формы ведения войны охватил лишь незначительные группы традиционной немецкой правящей элиты. Большинство консервативных союзников Гитлера приняло этот новый способ ведения войны, который перевернул все существовавшие до этого этические и моральные нормы. Английский историк Алан Буллок указывал на то, что германский генеральный штаб, который ранее пользовался большой самостоятельностью, во время Второй мировой войны утратил право голоса. Более того, стиль высказываний многих немецких генералов после начала этой войны на уничтожение практически не отличался от стиля национал-социалистического руководства. Так, например, командующий 6-й германской армией генерал-фельдмаршал фон Райхенау в приказе «О поведении войск на Востоке» от 10 октября 1941 года заявлял: «Солдат на Востоке является не только бойцом по всем правилам военного искусства, но также носителем беспощадной народной идеи и мстителем за зверства, причиненные немецкому и другим народам. Поэтому солдат должен сознавать необходимость жестокого, но справедливого наказания еврейских недочеловеков».⁶⁸

А командующий 17-й армией генерал-полковник Хот называл в своем приказе от 17 ноября 1941 года искоренение «еврейской категории людей», которую он определил как «духовную опору большевизма», «заповедью самосохранения»⁶⁹.

После того, как полностью проявилась жестокость немецкого оккупационного режима, пораженческие настроения среди советского населения заметно пошли на убыль. Все меньше солдат Красной Армии видело выход в том, чтобы сдаться в плен немцам. Ни для кого больше не было тайной, что их ожидает в немецком плену. И этот переворот в общественном сознании сыграл немаловажную роль в позднейшей победе СССР над Третьим Рейхом.

И все-таки некоторые политические и национальные группировки выражали готовность к сотрудничеству с национал-социалистическим режимом. По подсчетам Александра Некрича, к концу войны в различных частях вермахта служили около миллиона советских граждан разных национальностей. 110 000 из них были кавказцами, от 110 000 до 170 000 – жителями республик Центральной Азии, 20 000 – крымскими татарами, 5000 – калмыками, несколько сотен тысяч – русскими⁷⁰.

Генерал А. А. Власов, считавшийся одним из самых одаренных советских военачальников, после своего пленения в июне 1942 года на Волховском фронте недалеко от Ленинграда стал символом сотрудничества русских с Третьим Рейхом. Вскоре после своего пленения он вместе со своим единомышленником полковником Боярским направил немецкому командованию письмо, утверждавшее, что

---

⁶⁸ Boog et.al. С. 1246.

⁶⁹ Boog et.al. Der Angriff. P. 1249.

⁷⁰ См. Геллер/Некрич. Утопия. Т. 2. С. 152-161; Андреева, Екатерина. Генерал Власов и русское освободительное движение. L., 1990; Hoffmann, Joachim: Die Tragödie der «Russischen Befreiungsarmee» 1944/45: Wlassow gegen Stalin. München, 2003; Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 135 и след.

миллионы людей на оккупированных территориях СССР, как и многочисленные советские военнопленные, категорически не принимают сталинский режим. Эти «людские массы могут стать ядром той внутренней силы, которая под руководством германского правительства способна ускорить решение давно назревшей задачи по установлению в России нового политического порядка, гармонирующего с новым порядком в Европе, который создается под руководством Германии». Эти силы в настоящее время не используются. Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем на Ваше рассмотрение следующее предложение: создание центра по формированию русской армии и начало ее формирования. Русская армия, помимо ее чисто военной ценности, позволит придать [антикоммунистическому] движению государственный характер... Эта мера позволит легализовать борьбу против *сегодняшней России* и устранить само понятие предательства, которое пока еще сдерживает всех военнопленных, а также жителей неоккупированных областей»⁷¹.

Готовность Власова к сотрудничеству с внешнеполитическим врагом России с целью уничтожения существующего строя напоминает, в определенной степени, поведение Ленина во время Первой мировой войны, когда тот заключил союз с империей кайзера Вильгельма, чтобы прийти к власти в России. Но при этом есть одно принципиальное различие: в отличие от кайзеровского руководства, Гитлер вел мировоззренческую войну против России, войну на уничтожение. Его целью было полное и окончательное уничтожение российской государственности. В разработанном Гитлером иерархическом мировом порядке, в основе которого лежала расовая идея, русские и все восточные славяне как «расово неполноценные недочеловеки» занимали самую нижнюю ступень иерархической лестницы. Еще ниже стояли лишь евреи, которым в «новом мире» Гитлера вообще не было места. Они должны были быть полностью уничтожены.

Власов и его политические советники отлично знали, какие принципы лежат в основе гитлеровской политики на Востоке. И все же они мечтали о создании «русской освободительной армии» в качестве «третьей силы», которая хоть и выступит на стороне вермахта, но будет иметь собственную программу борьбы против сталинского режима. Сначала Гитлер не был заинтересован в создании такой военной силы. Он был категорически не согласен с распространяемым некоторыми немецкими военными и политическими кругами тезисом, что «Россию можно победить только при помощи самих русских». Организованный немцами в декабре 1942 году так называемый Русский национальный комитет представлял собой марионеточную структуру, используемую лишь в пропагандистских целях. И только летом 1944 года, незадолго до разгрома Третьего Рейха, национал-социалистическое руководство начало менять свою политику в отношении коллаборационистов.

---

⁷¹ Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 133-136.

16 сентября 1944 года с Власовым встретился Гиммлер. Было принято решение о создании так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР). 14 ноября 1944 года в оккупированной Праге КОНР опубликовал манифест, в котором речь шла об освобождении народов России от тирании Сталина, причем с помощью Третьего Рейха. «Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики», - подчеркивал Власов в своем манифесте⁷². КОНР располагал и собственными вооруженными силами – двумя дивизиями (около пятидесяти тысяч человек). Но так как эти вооруженные силы формировались в период краха Третьего Рейха, им уже практически не пришлось сражаться на фронте. Первая дивизия Русской освободительной армии (РОА) под командованием генерала Буняченко в начале мая 1945 года даже принимала участие в антигерманском восстании в Праге. Но это мало помогло лидерам власовского движения. 6 августа 1946 года Власов и его ближайшие соратники были приговорены Верховным Судом СССР к смертной казни и повешены.

Так же, как и западные сторонники политики умиротворения в 1934 – 1938 годах, как и Сталин в 1939 – 1941 годах, Власов питал иллюзии о возможности компромисса с Третьим Рейхом. Подавляющее большинство соотечественников Власова освободилось от подобных заблуждений уже в конце 1941 года. В этой связи следует подчеркнуть, что население СССР сделало соответствующие выводы гораздо быстрее, чем бывшие сторонники компромиссов с Гитлером. Советским людям, даже многим противникам Сталина, потребовались для этого не годы, а месяцы. Война воспринималась ими как защита находящегося под беспримерной угрозой Отечества. Тонко чувствуя это, Сталин апеллировал теперь к русскому патриотизму, то есть к той силе, которая не раз помогала московским правителям избежать смертельной опасности. Через одиннадцать дней после нападения Германии на Советский Союз, 3 июля 1941 года, Сталин в первый раз обратился к народу, к обществу, которое он поработил и терроризировал на протяжении многих лет, со следующими словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!.. К вам обращаюсь я, друзья мои! [...] В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом... Дело идет [...] о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение... Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны [...] является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но

---

⁷² Андреева, Екатерина. Генерал Власов и русское освободительное движение. С. 344.

и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма... Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»⁷³.

30 июня 1941 года в Москве была организована структура, принявшая на себя все полномочия партийных и государственных инстанций на время войны – Государственный Комитет Обороны (ГКО). ГКО сконцентрировал в своих руках всю полноту власти и отвечал за все вопросы ведения войны, экономической жизни, внешней и внутренней политики, идеологической работы. В этот орган, который будет распущен только после окончания войны, первоначально входили Сталин в качестве председателя, Молотов, Ворошилов, Берия и Г. М. Маленков. Позже в него были включены еще четыре члена.

Чтобы не быть уничтоженным Третьим Рейхом, сталинское руководство, до этого концентрировавшее свои силы на терроре против собственного населения, должно было модифицировать политическую систему, сделать ее более гибкой. Парадоксальным образом война вызвала определенные послабления режима. Сложился своего рода компромисс между властью имущими и до сих пор притесняемым ими обществом. Многие офицеры, инженеры и ученые были выпущены из тюрем и лагерей, нередко они назначались на руководящие должности в армии и промышленности (некоторые были освобождены сразу после смещения Ежова в 1939 – 1940 годах, например, будущий маршал К. К. Рокоссовский). В 1941 году было освобождено 600 000 заключенных, из них 175 000 были включены в состав армии. До осени 1943 года в рядах Красной Армии находились уже 900 000 бывших заключенных⁷⁴.

Стали публиковаться произведения некоторых запрещенных писателей и поэтов, например, поэтессы А.А. Ахматовой, цензура была ослаблена. Русская Православная Церковь, жестоко преследуемая в 20-е – 30-е годы, получила новые возможности деятельности. Престол Патриарха Московского, пустовавший после смерти Патриарха Тихона в 1925 году, снова был занят в сентябре 1943 года. Новым Патриархом был избран митрополит Сергей, заявивший в 1927 году о своей лояльности советскому режиму, вследствие чего церковь попала в почти полную зависимость от атеистического государства. Этот верноподданнический жест не спас тогда церковь от новой волны жестоких преследований. Теперь же можно было говорить о своего рода сближении государства и церкви.

Михаил Гефтер, рассматривая развитие этой ситуации, говорил о спонтанной десталинизации, начавшейся в 1941 году. Он указывал на то, что подавляемое сталинской диктатурой население использовало момент слабости режима, чтобы добиться большей независимости от него. Сутью сталинизма, пишет историк, являлось лишение человека суверенных прав. Начавшаяся в 1941 году борьба ре-

---

⁷³ 1941 год. Т. 2. С. 448-452.

⁷⁴ Кулешов, С. Наше Отечество. С. 418 и след.

жима за свое выживание снова предоставила людям возможность, пусть на короткое время, «распорядиться собой и своею судьбой»⁷⁵.

Много десятилетий спустя, во времена «брежневского застоя», советский писатель К. М. Симонов сказал о Великой Отечественной войне, что «она – чуть ли не единственное по-настоящему светлое пятно в истории последних десятилетий».⁷⁶ Насколько же чудовищной должна была быть советская действительность до 22 июня 1941 года, если одна из самых страшных войн в истории человечества воспринималась как светлое пятно, как своего рода внутреннее освобождение!

Не следует забывать, что и после начала войны миллионы людей оставались в сталинских лагерях. Целые народы были депортированы в отдаленные районы страны - их обвинили в сотрудничестве с врагом, при этом тысячи людей были уничтожены органами госбезопасности. Одним из первых советских народов, которых постигло коллективное наказание, были немцы Поволжья. 28 августа 1941 года началась депортация поволжских немцев, распространившаяся затем на немецкие нацменьшинства в других районах СССР. В общей сложности были депортированы более 800 000 российских немцев. Помимо немцев коллективному наказанию подверглись чеченцы и ингуши (496 000 человек), карачаевцы (68 000 человек), балкарцы (37 000 человек), калмыки (93 000 человек) и крымские татары (190 000 человек). Все эти народы были полностью выселены с занимаемых ими территорий. Кроме того, контингент депортированных или заключенных в лагеря ГУЛАГа пополнили сотни тысяч поляков, украинцев, жителей Прибалтики и других народов⁷⁷.

Чрезвычайно жестко обходилось руководство Кремля с собственными солдатами. В первую очередь это касалось военнопленных, которые считались «предателями Родины». Подписанный Сталиным 16 августа 1941 года приказ № 270 гласил: «Командиров и политработников, [...] дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров... Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения... сражаться до последней возможности, [...] если [...] начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»⁷⁸.

Из 5,7 миллионов советских солдат, которые во время советско-германской войны попали в плен, 3,3 миллиона погибли. Судьба выживших была чрезвычайно трагична. На всю жизнь они были клеймены как «предатели». Лишь после

⁷⁵ Гефтер, Михаил. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

⁷⁶ Правда. 20.6.1991. С. 3.

⁷⁷ Кулешов, С. Наше Отечество. С. 426.

⁷⁸ 1941 год. Т. 2. С. 478.

развала СССР это позорное клеймо было снято. Многие красноармейцы, освобожденные из лагерей для военнопленных или вышедшие из немецкого окружения, подвергались проверке в специальных лагерях НКВД. До 1 октября 1944 года такой проверке были подвергнуты более 350 000 красноармейцев. Из них 250 000 вернулись в ряды армии, 18 000 попали в штрафные батальоны, где шансы на выживание были минимальные.

Чрезвычайно суровые условия были созданы для советских рабочих, особенно в отраслях, связанных с оборонной промышленностью. Уже незадолго до войны, в августе 1940 года, в СССР был принят драконовский трудовой кодекс, который запрещал рабочим свободно выбирать рабочие места и сурово карал за любое, даже самое незначительное нарушение трудовой дисциплины. После начала войны этот трудовой кодекс был еще более ужесточен. Согласно декрету от 26 декабря 1941 года рабочие оборонных отраслей промышленности подвергались принудительной мобилизации и переводились на казарменное положение. Своевольный уход с работы считался дезертирством. На время войны отменялись все отпуска, рабочий день удлинялся до 10-12 часов. В городах, находившихся в непосредственной близости от линии фронта, например, в Ленинграде, рабочий день был ненормированным. Так как за все время войны тридцать один миллион советских граждан был призван в армию, необходимо было мобилизовать все имеющиеся трудовые резервы. Трудовой повинности подлежало практически все население – инвалиды войны, пенсионеры, молодежь, но в первую очередь женщины. Именно благодаря женскому труду непрерывно росла производительность оборонной промышленности СССР. Во время войны количество женщин, занятых на промышленных предприятиях, выросло с 38% до 53%.⁷⁹

В первые месяцы войны, несмотря на сокрушительные поражения Красной Армии на фронтах, советское руководство сумело эвакуировать в глубь России из прифронтовых областей, находящихся под непосредственной угрозой оккупации, более 1500 промышленных предприятий, из них 1360 крупных оборонных заводов. Во второй половине 1941 года на оставшейся незанятой немцами части территории Советского Союза производилось в два раза больше боевых самолетов и более чем в два раза больше танков, чем на всей территории СССР в первые шесть месяцев 1941 года. В 1942 году производство танков увеличилось по сравнению с предыдущим годом с 6500 до более чем 24 000 единиц, количество боевых самолетов - с примерно 12 000 до более чем 21 000, количество орудий и гранатометов всех видов – с 71 000 до 127 000. Оборонная промышленность СССР по многим показателям обогнала Третий Рейх и его сателлитов⁸⁰.

Подавляющее большинство населения на не занятых немецкими войсками территориях, как правило, с пониманием отнеслось к ужесточению трудовой дисциплины и дополнительным обязанностям, возложенным на него советским

⁷⁹ Кулешов. Наше Отечество. С. 418.

⁸⁰ Там же. С. 415; Boog et.al. Der Angriff. P. 870.

режимом после начала войны. Перед лицом смертельной опасности, угрожавшей российской государственности, необходимость этих чрезвычайных мер не вызвала возражений. Эти меры были вызваны реальной, а не мнимой опасностью, как это было в 30-е годы. В свою очередь, сталинская система – олицетворение абсурда – перед лицом реальной опасности была вынуждена идти на определенные уступки, и одно это обстоятельство примиряло население с ее существованием.

Компромисс между режимом и населением явился важнейшей причиной того, что «первая» советско-германская война закончилась в декабре 1941 года. 5 декабря 1941 года на подступах к Москве наступление немецких войск было остановлено, а затем дивизии вермахта были отброшены от советской столицы. После проигранной воздушной битвы над Англией осенью 1940 года, в декабре 1941 года Гитлер потерпел второе крупное поражение в своей карьере начиная с 1930 года, так как после его триумфа на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года он, в сущности, знал только победы. Как правило, Гитлер имел дело с нерешительным, внутренне деморализованным противником, который в массовом порядке капитулировал перед ним. Так было до тех пор, пока он не столкнулся с двумя силами, которые не пошли на безоговорочную капитуляцию – любовью к свободе англосаксонских народов и русским патриотизмом. Именно эти силы привели Гитлера вместе со всем его режимом к полному и окончательному краху.

5. Москва и западные демократии – противоречивый союз

Во время своей «дружбы» с Третьим Рейхом Москва приспособила свой внешнеполитический курс к образу действий национал-социалистов и закрепила мнимое право сильных государств расширять свои территории за счет более слабых соседей; малым нациям было практически отказано в праве на самостоятельное существование. После нападения Гитлера на СССР эта аргументация обратилась против самого Советского Союза, так как он был отнесен нацистским фюрером к категории слабых государств. Сталинское руководство, в 1939 году сдавшее в архив свою псевдодемократическую риторику, вынуждено было снова прибегнуть к ней. В радиовыступлении Сталина от 3 июля 1941 года говорилось о том, что «война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».⁸¹

---

⁸¹ 1941 год. Т. 2. С. 452.

Западные демократии приветствовали распад союза тоталитарных диктаторов – Гитлера и Сталина – как «истинный дар Божий». В этом смысле высказался, например, бывший посол США в Москве Джозеф Девис. По иронии судьбы, спасителем западных демократий, пусть даже и против своей воли, стал Сталин – их непримиримый противник. Сталинский Советский Союз был, так сказать, «облагорожен» западными державами и принят в сообщество цивилизованных наций. В день гитлеровского нападения на Советский Союз Черчилль заявил: «Никто не был большим противником коммунизма в течение последних двадцати пяти лет, чем я. Ни одного слова, сказанного о нем, я не беру назад. Однако все меркнет перед событиями, которые происходят сейчас... Я вижу советских солдат, несущих дозор на своей границе, и вижу их защищающими свои поля, которые с незапамятных времен возделывали их предки... У нас одна цель, одно единое и необратимое предназначение. Мы твердо решили уничтожить всякий след нацистского режима... Человек или государство, борющиеся против нацизма, могут рассчитывать на нашу поддержку... Поэтому угроза для России является и угрозой для нас... Борьба русских [...] есть часть общей борьбы всех свободных людей и всех свободных народов во всех частях мира»⁸².

Уже 12 июля 1941 года было подписано британо-советское соглашение о сотрудничестве, по которому оба государства обязались не заключать с Германией сепаратного мира или перемирия. Москве в качестве поддержки был обещан импорт товаров из Англии. Формально нейтральные США также заявили о своей готовности поддерживать Москву. Это произошло после визита советника президента США Франклина Д. Рузвельта Гарри Гопкинса в Советский Союз. Гопкинс опроверг бытовавшее тогда в военных кругах США мнение о военной слабости СССР и высоко оценил его обороноспособность. 2 августа 1941 года правительство США заявило, что вооруженная борьба Советского Союза находится теперь в сфере интересов национальной обороны США и пообещало Москве широкую экономическую поддержку. 1 октября между СССР и англосаксонскими державами был подписан договор о поставках по ленд-лизу, по которому Советский Союз должен был ежемесячно получать 400 боевых самолетов, 500 танков, а также другую продукцию и товары, в первую очередь транспортные средства и продовольствие. Военные поставки по ленд-лизу внесли немалый вклад в победу Советского Союза над Третьим Рейхом. Однако не они сыграли решающую роль в войне, так как советская оборонная промышленность вполне была в состоянии обеспечивать Красную Армию высокоэффективной военной продукцией в необходимом объеме. Более важным был вклад Запада в другие области обеспечения обороноспособности СССР. Так, например, за все время войны СССР получил по ленд-лизу более 400 000 грузовиков, 2000 локомотивов, 4,5 миллиона тонн мясных консервов, 15 миллионов пар обуви и т.д. В 1991 году подсчитали общую

---

⁸² Churchill, Winston. *Der Zweite Weltkrieg*. Vol. 3/I. Bern, 1951. P. 443-444.

стоимость западных поставок по ленд-лизу: она составила одиннадцать миллиардов долларов США⁸³.

Действия англосаксонских держав и СССР во время войны были гораздо лучше согласованы, чем действия их противников – так называемых стран «оси» (Берлин – Рим – Токио). И это несмотря на огромные идеологические и политические противоречия между Советским Союзом и западными демократиями. Таких идеологических разногласий внутри «оси» было намного меньше, и все же страны «оси» координировали свои действия в меньшей степени, чем их противники. Недостаточная координация действий была особенно характерна для отношений между Германией и Японией. Так, например, министр иностранных дел Японии подписал с Советским Союзом договор о ненападении буквально накануне советско-германской войны (13 апреля 1941 года). Несмотря на неоднократные требования Берлина, Токио не был готов нарушить этот договор. Всю мощь своей империалистической агрессии Япония направила на Юго-Восточную Азию и тихоокеанский регион. Здесь Япония рассматривала англосаксонские державы в качестве своего главного конкурента. Как на судьбу советско-германской войны, так и на исход битвы под Москвой в декабре 1941 года повлиял тот факт, что советские разведчики в Японии, в первую очередь Рихард Зорге, информировали Москву о том, что Токио не готовит нападение на СССР, а собирается атаковать британские и нидерландские колонии. Об этом Зорге сообщил в октябре 1941 года незадолго до своего ареста.

Несколько лет тому назад в России был опубликован целый ряд сообщений от советских агентов в Токио лета – осени 1941 года. Эти сообщения чрезвычайно интересны. Информация от 26 сентября 1941 года передает слова одного влиятельного японского политика: «За последнюю неделю Германия несколько раз требовала от Японии выступить против СССР и захватить Сибирь. Но Япония не хочет этого делать. Сам император против войны с СССР... Вы, конечно, спросите меня, почему Япония провела мобилизацию и сконцентрировала огромные войска на границе с СССР? Отвечу так: в правительстве существуют два мнения: одно – за наилучшую концентрацию войск на границе с СССР, второе – за разрешение всех вопросов мирным путем». Сообщение от 3 ноября 1941 года дополняет картину: «По данным, полученным от надежного источника, Япония пока не намерена наступать на север. Твердо решено в ближайшее же время выступить на юг»⁸⁴.

Эти сообщения были для Москвы бесценными. Они позволили советскому руководству перебросить боеспособные дивизии с Дальнего Востока и из Сибири на советско-германский фронт. К ним присоединились многочисленные войска из внутренних военных округов, из Средней Азии, из кавказского региона. При помощи этого второго стратегического эшелона резервных армий Москве уда-

---

⁸³ Кулешов. Наше Отечество. С. 415.

⁸⁴ Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 98, 100.

лось 5 декабря 1941 года начать контрнаступление против армий избалованного победами Третьего Рейха. Двумя днями позже японская авиация совершила нападение на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе. 12 декабря 1941 года Гитлер объявил войну США. Теперь уже все государства обеих коалиций оказались втянутыми в войну. Однако советско-японский договор о ненападении, подписанный в апреле 1941 года, в принципе, соблюдался обеими сторонами. Нарушен он был Советским Союзом через три месяца после разгрома Третьего Рейха. По достигнутой в феврале 1945 года в Ялте договоренности «большой тройки» лидеров СССР, США и Великобритании, 9 августа 1945 года Советский Союз вступил в войну с Японией. Красная Армия атаковала японские вооруженные силы в Манчжурии и в течение нескольких дней захватила Южный Сахалин и Курильские острова. 2 сентября 1945 года Япония капитулировала.

Хотя действия антигитлеровской коалиции были гораздо лучше согласованы, чем действия государств «оси», но и между ними возникали разногласия. Первый важный спорный вопрос был связан с открытием «второго фронта». Этот вопрос был поднят московским руководством уже через несколько недель после начала советско-германской войны. 18 июля 1941 года Сталин потребовал от Черчилля открытия «второго фронта» в Западной Европе.⁸⁵ Он считал, что раз основные силы Германии сконцентрированы на Восточном фронте, то Англия должна использовать это обстоятельство для вторжения во Францию. Черчилль категорически отказался от этой идеи: Англия целый год в одиночку боролась против Гитлера, силы ее истощены. Год спустя Черчилль лично приехал в Москву, чтобы в шадящей форме сообщить Сталину о неготовности западных союзников высадиться во Франции. Англия, заявил Черчилль, не может позволить себе миллионные жертвы, как Советский Союз; она еще не оправилась после Первой мировой войны. Сталин, в свою очередь, обвинил союзников в непонимании того, что война всегда требует жертв.

Нельзя отрицать того, что СССР действительно нес на себе основное бремя Второй мировой войны, что судьба этой войны решалась, в первую очередь, на Восточном фронте. Цена, которую советский народ должен был заплатить за победу, была настолько высока, что советское правительство десятилетиями не решалось ее назвать. Сталин говорил о семи миллионах жертв с советской стороны. Хрущев называл более реалистичную цифру – двадцать миллионов погибших солдат и гражданских лиц. Лишь во времена горбачевской перестройки эта цифра была исправлена в сторону увеличения – двадцать семь миллионов погибших. И еще неизвестно, является ли она окончательной. Великобритания и ее бывшие колонии потеряли во время Второй мировой войны 452 000 солдат и 60 000 гражданского населения, США – примерно 295 000 солдат. С 1941 по 1945 год бывали такие сражения, когда Советский Союз терял больше солдат,

чем его западные союзники за все время войны. По расчетам генерала Волкогонова, потери Красной Армии в 1942 году составили более 5 880 000 солдат, не считая раненых. Победенный Третий Рейх потерял за все годы войны около четырех миллионов солдат и более трех миллионов гражданского населения.

После победы под Москвой советское руководство впало в такую эйфорию, что переоценило собственные силы. Сталин полагал, что Красная Армия в состоянии «гнать немцев на Запад без передышки», заставить их израсходовать свои резервы еще до весны 1942 года и «обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»⁸⁶. В действительности же Красная Армия потерпела целый ряд поражений и в 1942 году – на Волховском фронте под Ленинградом (весна 1942 года), в Крыму и под Харьковом (май 1942 года). Так же, как летом и осенью 1941 года, сотни тысяч солдат были окружены и взяты в плен. 17 июля 1942 года началось наступление вермахта на Сталинград, примерно в это же время – на Кавказ. И снова советское руководство пыталось при помощи жесточайших мер остановить процесс разложения армии. 28 июля 1942 года Сталин подписал приказ № 227, который во многом напоминает драконовский приказ № 270, подписанный им в августе 1941 года. Приказ гласил: «Пора кончить отступать. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории»⁸⁷. Сталин требовал восстановления строжайшей дисциплины любой ценой; он приказывал расстреливать паникеров и дезертиров. В тылу сражающихся войск создавались «заградительные отряды», которые в случае отступления должны были стрелять по своим.

Одних лишь решительных мер против своих солдат, бегущих от врага, было, однако, недостаточно для обеспечения коренного перелома в советско-германской войне, произошедшего под Сталинградом. Готовность защитников города не пустить врагов к Волге, чувство, что они вместе со всеми свободолобивыми народами ведут борьбу за правое дело, сыграли гораздо более важную роль, чем «заградительные отряды».

В ноябре 1942 года державы «оси» окончательно утратили стратегическую инициативу в войне. Высадка западных союзников в Марокко и Алжире, поражение Роммеля под Эль-Аламейном и, прежде всего, окружение 6-й немецкой армии в Сталинграде символизировали коренной перелом в ходе Второй мировой войны. Новую ситуацию Черчилль охарактеризовал с помощью каламбура: «Было бы ошибочным видеть в событиях последних дней конец [войны]. Возможно, это начало конца. Но совершенно определенно, что это конец начала». Этот «конец начала» был также концом «начала» советско-германской войны. Начиналась

---

⁸⁵ Kettenacker, Lothar. Großbritannien und der deutsche Angriff auf die Sowjetunion // Wegner, Bernd (Hg.). Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin Pakt bis zum „Unternehmen Barbarossa“. München-Zürich, 1991. С.615.

⁸⁶ Геллер/Некрич. Утопия у власти. Т. 2. С. 100.

⁸⁷ Там же. С. 106-107.

«новая» советско-германская война завершившаяся в мае 1945 в поверженном Берлине.

Трагедия российского общества заключалась, однако, в том, что в результате победы над внешним врагом она только укрепила своего внутреннего врага – сталинскую тиранию. Уже через несколько месяцев после битвы под Москвой поначалу неуверенный в себе режим начал отвоевывать свою внутривластную территорию обратно. Польский поэт Александр Ват, находившийся во время войны в Советском Союзе, писал: «Трещина в хребте режима между тем зажила. Все папки с документами были на своих местах ... Без разрешения НКВД нельзя было передвигаться»⁸⁸.

Но этим не исчерпывается значение советских побед над Третим рейхом: «Сталинградское торжество определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода», – пишет русский писатель Василий Гроссман в своей книге *Жизнь и судьба*, признанной одним из самых значимых романов 20-го века⁸⁹.

Границы между режимом и народом были, конечно же, условными. Сталинская деспотия без частичного или полного отождествления значительных частей общества с ней была бы нежизнеспособной. Несмотря на все это, эта разделительная линия между режимом и народом, которому власть имущие до конца не доверяли, все же сохранялась. Они предпринимали чрезвычайные усилия, чтобы полностью его контролировать. Этот направленный вовнутрь навязчивый контроль сталинской тирании связывал значительную часть ее сил и не давал ей так безгранично расширяться вовне как это делала национал-социалистическая диктатура.

Впрочем, «спонтанная десталинизация» военного времени не осталась без последствий. Непосредственно после смерти Сталина реформаторски настроенная часть партийного руководства опиралась на некоторые ее постулаты. Таким образом в СССР началось становившееся все более острым обсуждение сталинского террористического режима, и этот спор продолжался, несмотря на попытки власть имущих его остановить, вплоть до распада Советского Союза. Лишение КПСС власти в августе 1991 было не в последнюю очередь следствием этого русского варианта переосмысления прошлого.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина и Антонины Зыковой

---

⁸⁸ Wat, Aleksander. *Jenseits von Wahrheit und Lüge: Mein Jahrhundert*. Frankfurt am Main, 2000. P. 625.

⁸⁹ Гроссман, Василий. *Жизнь и судьба*. М., 2005. Т. 3. С. 51.